

Одна из самых больших удач моей жизни – знакомство с Мэри Моисеевной Кушниковой, личностью во всех смыслах уникальной и по своему масштабу относящейся совсем не к нашему XXI веку – меркантильному, потребительскому, поверхностному; веку торжествующей синтетики – как в вещах, так и в чувствах; и загнанному от постоянной и бессмысленной спешки, как в пророчески описанном Льюисом Кэрроллом зазеркалье: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте...». Мэри Кушникова из эпохи, где торжествовала красота и вдумчивость. Из эпохи, благодаря которой она получила своё «нездешнее» имя – Мэри: именно так, в честь лермонтовской героини, романтической княжны, её назвали родители.

«Жить в России надо долго, чтобы увидеть, что будет происходить дальше...» – помнится, как-то сказала Мэри Моисеевна. Она прожила яркую, насыщенную событиями жизнь и умерла в 93 года, не устав от неё, сохраняя до последнего дня бодрость духа и ясность мышления. Редкие качества для современного человека, измотанного и надломленного уже после четвёртого десятка прожитых лет.

Её эрудиция и работоспособность поражали. В совершенстве владея двенадцатью европейскими языками, она была мастером художественного перевода и превосходным стилистом. В качестве примера приведу всего лишь одну фразу из произведения Мэри Кушниковой «Каникулы усопших», которая завораживает магнетизмом и мистической аурой: «...Они жаждали воспоминаний и упоминаний об их жизни, любви, невзгодах и бедах – это как бы вселяло дуновение жизни в их изображения, словно они получали “увольнительную” в мир всех нас, живых. Пусть на короткое время – но во власти автора оказалась возможность

представить им подобную кратковременную побывку...». Сегодня, вспоминая Мэри Моисеевну, мы тоже даём ей своеобразную «увольнительную».

Говоря о ней, не могу мысленно не соприкоснуться с ещё одним человеком – с Вячеславом Вениаминовичем Тогулевым, ушедшим от нас двумя годами ранее.

Для меня Кушников и Тогулев были образцом творческого союза – крепкого, спаянного совместной созидательной энергией. О таких союзах я лишь читала: Бовуар и Сартр, Ильф и Петров, братья Гонкуры, Анн и Серж Голон, Стругацкие, Вайнеры... – но в жизни не видела никогда...

Более родных и близких по духу людей, чем мои кемеровские друзья, пожалуй, трудно найти... В начале 90-х – для кого-то лихих, для кого-то – голодных и нищенских – Вячеслав Тогулев лишился крова. История, в сущности, банальная, но именно этой банальностью своею страшная. В те годы многие из наших соотечественников с силу разных обстоятельств (махинации «чёрных риэлторов», «сгоревшие» в финансовых пирамидах вложения, обесценившиеся банковские вклады и т. п.) потеряли жильё. Не избежал печальной участи и Вячеслав Тогулев. Одному Богу известно, что чувствовал он, осознавая, что впереди – одна безнадёжность... Стараясь держаться, отчаяние глушил работой: покупал самый дешёвый плацкартный билет на какой-нибудь длиннющий рейс типа «Москва – Владивосток», пристраивался во время поездки у окна и писал – статьи, публицистику, материалы исторического содержания. Неделя в поезде – неделя в тепле, и благо – кипяток бесплатный. А еда – да что там, пустяки! Дошираком да сухариками можно перебиться... (сейчас вот, анализируя спустя много лет мрачный эпизод в жизни Вячеслава, понимаю – рак желудка, сведший его в могилу, не случаен – не прошли для него даром эти недоедания)...

Мэри Кушникову судьба талантливого молодого человека тронула. Рука помощи в такой ситуации – не просто благородный жест, а возвращение к жизни, к полноценной работе... Каждый из них был человеком чрезвычайно одарённым и полифоничным, а

в совместной работе они удивительным образом дополняли друг друга, подпитывали идеями, насыщали проектами. Сколько же грандиозных трудов – историко-краеведческих, публицистических, искусствоведческих, литературоведческих – они создали вместе!.. «“Кузнецкий венец” Фёдора Достоевского», «Красная горка», «Загадки провинции»... – можно перечислять и перечислять; практически все эти книги уже сразу после их выхода в свет стали библиографической редкостью... Думается, именно в совместной (соавторской) работе оба писателя достигли вершины своего мастерства. И именно благодаря этой совместной работе они смогли реализовать в полную силу своё основное жизненное предназначение – быть хранителями и выразителями культурной памяти.

Мы познакомилась в 2007 году, когда я приехала в Кемерово на защиту кандидатской диссертации. До личной встречи общались только заочно – я была одним из авторов альманаха «Голоса Сибири» – выпестованного детища Кушниковой и Тогулева, который они с такой любовью составляли и редактировали. Этот альманах заслуживает отдельных слов.

Трудно издавать книги в провинции. Это вечное «нет денег», закрытые двери чиновничьих кабинетов, хождение с протянутой рукой по спонсорам... А эти два энтузиаста – смогли! Это даже и не книга была, а какое-то «окно в Европу» из Сибири, «телемост», соединяющий между собой страны и континенты... Кое-кто из моих коллег, помнится, ругал составителей за непомерный объём альманаха (о да! – это было огромное, многостраничное издание, насчитывающее порой более тысячи страниц за выпуск); за вездесущность (тематический разброс и размах рубрик был поистине широк и рассчитан на любую читательскую аудиторию – от документальных материалов, посвящённых сталинским репрессиям, до потешек для дошкольников); за излишне демократичный подход в отборе текстов (да-да, и за это тоже: редакторы альманаха печатали профессиональных литераторов наряду с любителями и начинающими молодыми авторами, делающими первые шаги в литературе)... Но именно в этом-то и

была изюминка альманаха – в его всеохватности! «Голоса Сибири», действительно, «говорили» разными голосами и на разных языках. А толстенный, («фолиантовый») объём издания – это так похоже на старинные труды из архива и фонда редкой книги библиотеки. Какому учёному-историку или музейщику не греет сердце такой исполинский формат! Низкий поклон Кушниковой и Тогулеву за то, что когда-то они «дали зелёный свет» и мне: до публикации в «Голосах Сибири» я не печаталась в других регионах.

Читала М. М. Кушникову я всегда с большим удовольствием, причём она была мне интересна не только как писателю, но и как историку. Мэри Моисеевна обладала изрядной смелостью, которая, что уж скрывать, раздражала моих коллег из научной среды, считавших её «непрофессионалом, затоптавшим науку», как однажды довелось услышать от учёных мужей. Раздражала дерзкая и своеобразная манера подачи исторического материала, ставшая особым фирменным и узнаваемым стилем Кушниковой. Этот стиль в своё время точно охарактеризовал В. В. Тогулев в статье «Правда и красота всегда нужны людям (субъективные заметки о жизни и творчестве Мэри Кушниковой)»: «Вполне отдавая себе отчёт, что история – это далеко не всегда абсолют точности, но и некая зыбкость, основанная на закономерном наличии “белых пятен”, Кушникова иногда позволяла себе выдвигать в публикациях предположения и версии. Адепты точности называли их “фантазиями”. Однако требуются уточнения. Предположения – это гипотезы, сиречь компонент любого исследовательского поиска. И если гипотеза не выдаётся за данность, а обозначается соответствующими заявлениями о “сугубой предположительности” вывода – то перед нами не “фантазии”, а именно научные гипотезы». Да, такое историки не прощают – свободного полёта там, где господствует голимая статистика. Потому и клеймили и её, и Тогулеву – зло, с ожесточением. Мировая «паутина» до сих пор пестрит жёлчными, щедрыми на обвинения статьями. Но есть и заметки с запоздалым раскаянием, со словами «прости, покойся с миром».

Непрофессионалом Мэри Кушникова не была ну просто по той причине, что не может быть непрофессионалом человек, который посвятил любимому делу всю свою жизнь, причём не выпячивая себя, не «светясь» на публике, не ища наград и званий, как, впрочем, и сподвижник её Вячеслав Тогулев. Не было в них суетного тщеславия, желания оставить в литературе пресловутый «след». Если взять на себя труд и поискать в Интернете фотографии Мэри Моисеевны, то с трудом удаётся найти один снимок; фотографий Тогулева – две, причём одну из них выложила я, когда размещала некролог. Слишком мало для людей, жаждущих славы. А вот борцом – безжалостным, неутомимым – с теми, кто на протяжении многих десятилетий уничтожал на Кузбассе исторические памятники, она была. И Тогулев, как верный паладин, принимал участие во всех баталиях, организованных Кушниковой во имя сохранения культурной памяти. Легко ей было рядом с таким оптимистичным и деятельным соратником.

... В конце прошлого года, незадолго до смерти, Мэри Кушникова несколько раз звонила мне. Вспоминали Славу. Рассказывала, что в последние месяцы он стремился окружить её заботой и вниманием, максимально помочь по хозяйству: что-то починить, прибить какой-нибудь гвоздик. И неизменно добавлял: «Чтобы потом у тебя никаких проблем не возникало»... О его болезни она не знала: Тогулев, стараясь уберечь её от переживаний, скрывал смертельный диагноз. Смысл этой фразы Мэри Моисеевна поняла лишь тогда, когда его не стало: зная, что дни его сочтены, он уже смотрел на жизнь со стороны, прикидывал, что ещё полезного может сделать для дорогого человека, пока в руках были силы. О себе не думал. Тихий уход мужественного человека...

Осиротевшая Мэри Моисеевна сетовала, что так и не научилась пользоваться компьютером. В своё время, когда просила Вячеслава помочь ей освоить технику, он лишь плечами пожал: «Зачем тебе? Ведь для этого есть я. Если что-то понадобится – сделаю сам». И вот понадобилось... «Жалко, что я его тогда послушала. Раньше он читал мне новости, пришедшие по электронной почте письма... А теперь чувствую себя оторванной от мира»...

А я, честно говоря, рада, что она не владела компьютером. И поэтому, когда ей хотелось общения, просто звонила по телефону, и я могла слышать её живую речь, чувствовать оттенки эмоций в голосе, а не лицезреть наскоро отшлёпанные сообщения в «мысле». Несмотря на свою прогрессивность, Мэри Кушникова была из далёкой, исчезнувшей эпохи – эпохи фарфора. И будто бы случайно оказалась здесь, у нас, – в эпохе пластика. Чтобы мы могли ощутить тоску по навсегда утраченным красоте и вдумчивости.

Благодарю за сокровенную мудрость Ваших книг. За проницательность и умение дружить. Были рядом недолго, но дали много.